

功夫

МИХАИЛ РОТТЕР

Взрослые сказки
О ГУН-ФУ
Часть III: МУДРОСТЬ

Восток: здоровье, воинское искусство, Путь

Михаил Роттер
Взрослые сказки о Гун-Фу. Часть III: Мудрость
Серия «Восток: здоровье, воинское искусство, Путь»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24120620

*Михаил Роттер. Взрослые сказки о Гун-Фу. Часть III: Мудрость: ИД
«Ганга»; Москва; 2015
ISBN 978-5-9907175-0-3*

Аннотация

Эти сказки – попытка описать то, что описать невозможно. А именно мудрость и нелегкий путь ее обретения.

Данная книга представляет собой продолжение двух «сказочных» книг, выпущенных издательством «Ганга» ранее:

- «Взрослые сказки о Гун-Фу. Часть I: Ци-Гун»
- «Взрослые сказки о Гун-Фу. Часть II: Тай-ЦзиЦюань».

Так же как и предыдущие две части, эта книга содержит простые, совершенно «не художественные» истории и единственное, на что они претендуют, – это незатейливое описание того, как это иногда бывает «на самом деле».

Читать третью часть можно, разумеется, и отдельно, но вместе с первыми двумя будет точно интереснее, потому что главный герой во всех трех книгах один – мастер Минь.

Содержание

Вступление	6
Вьетнамская «моя дочь», или Сказка под названием «Это точно не мудрость»	11
Никто не знает, что, когда, откуда и от кого придет к нему	12
Сказка о житейской мудрости	44
А может, и нет никакой житейской мудрости?	45
Конец ознакомительного фрагмента.	50

功夫

Михаил Роттер
Взрослые сказки о Гун-Фу
Часть III: Мудрость

© Михаил Роттер, текст 2015

© ООО ИД «Ганга», 2015

Вступление

«Почему многие из вас называют меня пандитом? Верный признак настоящего пандита – знание им того, что знатока всех этих искусств и наук не существует, и поэтому все узнанное им за прошедшие века – не более чем неведение».

«Гуру Вачака Коваи» (132)¹

¹ Здесь и далее по тексту «Гуру Вачака Коваи» цитируется по изданию ИД «Ганга», 2015 (Шри Муруганар. Гуру Вачака Коваи. Собрание устных наставлений Раманы Махарши. Пер. с англ. А. Киселева, О. Короткова).

Мудрость можно смело отнести к числу вещей «неописуемых», хотя есть даже картины, ее изображающие.

Разумеется, существуют сложные и несомненно правильные словарные определения, например: «мудрость – это свойство человеческого разума, характеризующееся степенью освоения знаний и подсознательного опыта и выражающееся в способности уместного их применения в обществе, с учетом конкретной ситуации».

Джордж Уитер. Эмблема мудрости. 1635

Но простому, не философского склада ума человеку такие вещи понять достаточно трудно (да чаще всего и не особенно нужно), поэтому в нашем случае речь идет о совершенно другой мудрости, той, о которой так много говорит Лао-цзы.

«Вот почему мудрый все время в пути и он не пытается сбросить груз со своей повозки. Если даже и доведется ему оказаться в дворцовой зале, он будет чувствовать себя там спокойно и беззаботно, подобно случайно залетевшей ласточке. Ведь что можно поделывать с тем, кто, будучи господином, с легкостью взирает на мир и руководствуется лишь своими личными интересами? Обретешь легкость тогда, когда утратишь привязанность к тому, что имеешь. Обретешь свободу движений тогда, когда отстанет в пути тот, кто управляет тобой».

Лао-цзы, «Дао Дэ Цзин». Перевод: Юй Кан, Александр Кувишинов

Это мудрость человека, идущего нелегким путем мирянина и испытывающего бесчисленные трудности на этом пути. «Сказочная» же форма изложения выбрана потому, что позволяет излагать все как бы не вполне всерьез.

Эта книга является третьей частью «Сказок о Гун-Фу», первая из которых была посвящена Ци-Гун, а вторая – Тай-Цзи-Цюань. Само собой, и там и там «в главной роли» выступал учитель Минь.

Читать третью часть можно, разумеется, и отдельно, но вместе с первыми двумя будет точно интереснее.

Как и в предыдущих двух книгах, никаких реальных людей и имен в книге не упоминается. Все персонажи вымышленные и никого им подобного «в природе не существовало».

«Однако обязанность ученика – даже во сне непреклонно и безропотно следовать ценным наставлениям, которые, исходя из своего бессмертного опыта, дает Гуру, сияющий высочайшим божественным качеством – беспричинной Милостью».

«Гуру Вачака Коваи» (798)

Вьетнамская «моя дочь», или Сказка под названием «Это точно не мудрость»

В 1282 г. на острове Сицилия в пасхальный понедельник французский солдат изнасиловал девушку прямо накануне ее свадьбы. Ее мать с криком: «Ma fia! ta fia!» (Моя дочь, моя дочь!) носилась по улицам. На другой день вспыхнул бунт, в результате которого за один вечер были перерезаны тысячи французов.

Одна из многочисленных (пожалуй, самая красочная) версий происхождения слова «мафия»

Мафия к мудрости не имеет никакого отношения, и эта история была рассказана учителем Минем с одной только целью: показать, что мудрость не связана ни с профессией, ни с вероисповеданием, ни с национальным происхождением, ни со страной проживания. Она также не имеет ни возраста, ни срока давности, ни цели. Она просто есть. Или нет. Кому какая выпадет судьба в этой жизни. Как сказано у Жванецкого: «Мудрость не всегда приходит с возрастом. Бывает, что возраст приходит один». Так что эта сказка о том, что никак не может считаться мудростью.

Никто не знает, что, когда, откуда и от кого придет к нему (Рассказано мастером Минем)

*«Свободному в сердце от всякой привязанности,
пусть даже он участвует во всех [делах], ничто
никогда не будет грозить по причине ясности, с
которой сияет его ум».*

«Гуру Вачака Коваи» (824)

Когда Мо уехал, я неожиданно заметил, что он, несмотря на свой весьма небольшой рост, занимал очень много места. Дошло это до меня, когда его трехкомнатная квартира вдруг стала казаться мне очень большой. Простейшая логика подсказывала, что все освободившееся место ранее занимал он. Правда, не было понятно, как ему это удавалось, но это я понял и без всякой логики, точнее, используя логику Ци-Гун. Не он занимал много места, а его Ци, которой у него, как у мастера, было немерено.

И еще, к моему собственному удивлению, я успел к нему привязаться, хотя сам он этому никак не способствовал, наоборот, всячески подчеркивал, что привязанность — это очень плохо. Да и мне самому уже давно казалось, что мне никто не нужен.

Это, однако, лирика. А прозой было то, что освободилось

не только место в квартире, но и время в моем расписании. Заниматься Тай-Цзи-Цюань столько, сколько мы занимались с Мо, я даже не пытался, так что скучно мне стало достаточно быстро. Поэтому приглашение мастера Ви, того самого, который в свое время познакомил меня с Мо, пришлось очень кстати. Ви я уважал и пошел охотно. Отношения у меня с ним сложились, я бы сказал, приятельские. Хотя, скорее, он был очень рад тому, что я не начинаю обучать людей и не отбираю у него учеников. Сам он как мастер рукопашного боя был неплох даже для Вьетнама, но со мной ему был никак не тягаться. Лучше всех это понимал он сам и был благодарен, что я ни разу при учениках не подверг сомнению его авторитет. А я был ему благодарен за то, что он представил меня Мо. Такая вот дружба, основанная на взаимной выгоде. А что, прочнее дружбы не бывает.

Пригласил меня Ви к себе в тренировочный зал. Зал у него был всегда ухожен, но на этот раз он был надраен даже больше, чем всегда, о чем я не преминул ему сообщить.

Ви ухмыльнулся:

– Ты заметил, молодец. Это не ученики мыли, дождешься от них, от этих бездельников. Это я специально женщину приглашал, она тут три полных рабочих дня с утра до ночи драила. Так оно и видно. А ты знаешь, как эти негодяи моют пол?

Само собой, я не знал, как «эти негодяи» моют пол. Несколько раз, заходя к Ви после занятия, я видел, как его

ученики убирают в зале. Они всегда оставались вдвоем (чаще всего так, как отрабатывали парную технику) и весьма старательно терли шваброй пол, не забывая при этом достаточно часто менять воду. В общем, нормальная армейская методика.

А Ви уже рассказывал, до чего додумались «негодяи»: «С некоторых пор я стал замечать, что примерно раз в две недели пол с утра был в разводах. Я ничего не стал делать и никому ничего не стал говорить. Потом разводы стали появляться чаще и наконец пол стал оставаться грязным каждый день. Дело было понятное: кто-то стал халтурить, а потом остальные, видя, что я вроде бы ничего не замечаю, стали ему подражать».

«Ага, – подумал я. – Точно, как в джунглях: если одна обезьяна выучила какой-то трюк, то же самое скоро будут знать и делать все обезьяны. Если одна обезьяна научилась полоскать банан перед едой, то через месяц все они станут делать то же самое. Если одна обезьяна начала размазывать грязь по полу вместо того, чтобы мыть его... Правда, на то и леопард в джунглях, а мастер в зале, чтобы ни обезьяны, ни ученики не расслаблялись. Ви, конечно, и человек неплохой, и мастер неслабый, но если его ученики позволяют себе его так беспардонно обманывать...»

Я даже зажмурился, когда представил, что сделал бы в таком случае. Правда, тут же осекся. У Ви все ученики платные, и сделай он с ними то, о чем я сейчас подумал, его шко-

лу обходили бы за версту.

Ви тем временем наполнил водой большой чайник и принес тряпку.

– Эксперимент, – весело сказал он, вручая мне швабру. Сам он стал, отступая назад, зигзагообразно лить воду из чайника на пол. Догадаться было нетрудно. Я побежал за ним, одновременно растирая воду тряпкой по полу. Так, бегом, мы «помыли» немаленький зал минут за пять. Еще и размялись, и развлеклись. Я, во всяком случае.

– Хорошо, что пол был чистым, а то были бы тут разводы после нашей уборки, – засмеялся Ви.

– С чего вдруг такие приготовления? – удивился я.

– Новую группу начинаю тренировать, – подмигнул мне Ви.

– А при чем тут я? – еще раз удивился я.

– Увидишь, – еще раз подмигнул Ви.

Когда начала собираться новая группа, я понял, в чем было дело. Группа была женская, причем старше 35 лет никого не было. Тут я задумался: то ли Ви, учитывая мое семейное, а точнее *несемейное* положение, решил меня с кем-то познакомиться, то ли он решил, что девки все равно постоянно заниматься не будут, а «на молодого мастера» походят немножко подольше.

«Девчачьи» занятия выглядели очень смешно, я едва сдерживался, стараясь не начать ржать, глядя, как жеманно они делают то, что им показывал Ви. Когда этот цирк закон-

чился, я понял, для чего Ви звал меня. Он стал усиленно знакомить меня с молоденькой хорошенькой вьетнамкой. Тут я должен сделать отступление. Мне нравятся вьетнамские женщины. Хотя, наверное, будет правильнее сказать, что они мне нравились, пока я не увидел европейских дам. Не буду детализировать, но их стати не шли ни в какое сравнение ни по каким параметрам. Так, кстати, казалось не только мне. Многие знакомые вьетнамцы за кружкой пива говорили то же самое. Да что там говорили, они были женаты на местных женщинах. А те, кто женился на вьетнамках, делали это по двум причинам: либо в силу приверженности традиции жениться только на «своих» (спать с кем ни попадя это им не мешало), либо по неспособности «уломать» местную женщину. Второе было вполне логично: какая красивая, высокая, статная белая женщина выйдет замуж за маленького щуплого вьетнамца. Особенно если он бедный, живет на съемной квартире и из имущества у него по старой вьетнамской привычке – только велосипед.

У меня с ирландскими женщинами проблем не было. Не знаю даже почему. Но за это время я успел сильно избаловаться, так что на соотечественниц смотрел безо всякого интереса. Хотя та девица, с которой меня познакомил Ви (видимо, он считал, что мне пора жениться, причем только на вьетнамке), была хоть куда. Лицо у нее было совершенно неопишуемой красоты. Ви не преминул сказать, что год назад ее снимали на обложку местного глянцевого журнала. Жур-

нал этот тут же нашелся (само собой, совершенно случайно) у девицы в сумочке. Видимо, готовилась. Она и в жизни изумительно выглядела (хотя, как по мне, слишком раскрашенная), а на обложке казалась просто куклой. Я был с ней ужасно вежлив, но «непонятлив». Зачем она мне: жениться я пока не собирался, а просто переспать... Слишком много гонору, так что и возни будет много, и хлопот потом не оберешься. Поэтому после пяти минут исключительно вежливого трепы я откланялся, не предложив (несмотря на очень прозрачные намеки) проводить ее домой.

Выйдя от Ви, я тут же забыл о ней. И, как выяснилось, зря. На завтра я, как обычно в летнее время, пошел делать Тай-Цзи-Цюань в достаточно безлюдный парк неподалеку. Прозанимавшись свои пару часов, я не торопясь шел домой. И тут (само собой, тоже совершенно случайно) мне попалась на пути вчерашняя красотка. Она сказала, что ей (снова совершенно случайно) в ту же сторону, что и мне, непринужденно взяла меня под руку и пошла рядом. А надо сказать, что специального спортивного костюма у меня не было и одет я был достаточно странно: в какую-то старую куртку, оставшуюся от упитанного Мо и висевшую на мне мешком, и в свои старые, затертые до дыр джинсы. На ногах у меня были не кеды и не кроссовки, а старые, откровенно дырявые туфли. Так меня научил Мо. Он говорил, что при практике Тай-Цзи-Цюань тонкие подметки спортивной обуви быстро протираются на носках и пятках и заниматься нужно в ста-

рой повседневной обуви на толстой подошве. Он это называл «безотходное производство», потому что при таком подходе обувь снашивалась «насмерть».

А красotka, надо сказать, расфуфырилась еще больше, чем вчера, так что я сразу подумал, что мы вдвоем наверняка смешно посмотримся со стороны. Оказалось, что смешно было не мне одному. Путь наш лежал мимо вьетнамского ресторана под названием «Побег бамбука». Когда мы уже миновали его, я вдруг услышал: «Эй ты, хиппи!» Кричали по-вьетнамски, так что не приходилось сомневаться, к кому обращаются. Оглядываться я не стал. Мне, мастеру Миню, обращать внимание на всяких шавок... А если кто-то из этих самых шавок захочет ко мне приблизиться, то я его и так почувствую, спиной. Так что оборачиваться, смотреть на всякую тупую деревенщину... Лучше я буду смотреть на красотку Занг, она и правда потрясающей красоты барышня. С нее бы немного косметики стереть...

Тем более чего мне на деревенщину-то обижаться. Я умный, я знаю, что впервые слово «хиппи» стали использовать для обозначения длинноволосых молодых людей в майках, драных, как у меня сейчас, джинсах и, главное, протестующих против участия Америки во вьетнамской войне. А кто мог быть большим противником войны во Вьетнаме, чем я, Герой Вьетнама, воевавший с восемнадцати лет? Так что хиппи я и есть. Хотя до этого такая мысль мне и в голову не приходила. Ну, век живи, два века учись.

А деревенщина не унималась. Теперь эти придурки (судя по голосам, их было двое) переключились на красотку Занг. Один из них стал кричать, чтобы красотка бросала этого грязного хиппи и шла к ним. А за это они будут ее любить. Далее он на всю улицу стал в подробностях объяснять, как именно они будут это делать. Спасибо ему, что орал он по-вьетнамски, так что, кроме меня и Занг, никто не понимал, что он несет. И тут эта изнеженная красотка сумела меня поразить. Как ни странно, она нисколько не смутилась. Наоборот, Занг остановилась, уперла руки в бока и стала орать (базарная торговка позавидовала бы такому ору), что этот «хиппи» лучший мастер рукопашного боя во всем Вьетнаме (никогда не думал, что Ви такой болтун и что он рассказал этой соплячке, кто я такой) и что я сейчас вернусь и размажу их по стенке. Прямо сейчас и прямо по ближайшей стене.

Тут уж и мне пришлось повернуться. Ну, ничего особенного. Два вьетнамца. Молодые, чуть пьяные и донельзя наглые. Про таких мой советский ученик Володя говорил «борзомер зашкаливает». Когда он сказал так впервые, я его не понял, подумал, что мой русский не слишком хорош, и попросил объяснить, что это значит. Володя меня успокоил, сказав, что даже его мама, блестяще знающая язык, впервые услышала эти слова, когда он вернулся из армии. Пояснение мне он дал такое: «Борзомер – это прибор, измеряющий степень оборзения». Когда я сказал, чтобы он перестал выделываться и человеческими словами объяснил своему ува-

жаемому мастеру, что означает эта хрень (к тому времени все русские ругательства я знал не хорошо, а просто блестяще), Володя вполне понятно перевел это следующим образом: «Это не тот литературный, красивый русский язык, на котором говорят приличные люди. Это жаргонное выражение, обозначающее за пределами наглого, зарвавшегося человека». Его слова я вспомнил, увидев этих двух щенков. Только у них борзومتر не зашкаливал, он у них был вообще поломан. Или им его просто забыли вмонтировать в их пустые «башки» (опять я думаю по-русски и опять наверняка с ошибками). Очень образный язык. Я до сих пор матерно выражаюсь только по-русски, хотя в китайском есть ругательства и похуже. Но русские, несомненно, самые красочные. В общем, я этим ребятам даже обрадовался, благодаря им я вспомнил такие хорошие слова. Пока я радовался, красотка Занг перестала орать как резаная, отвернулась от босяков и стала с недоумением смотреть на меня.

– Меня же оскорбляют! – с возмущением сказала она. – И ты это им спустишь?!

– А что? – притворяясь, что не понимаю, проговорил я. – Ребята выпили, что мне с ними делать? Пойдем, лучше я тебя домой провожу.

– Тоже мне мастер! – тихо и очень внятно прошипела красотка, круто повернулась и зацокала высокими каблуками по асфальту. Больше разговаривать со мной она явно не собиралась. Видимо, моя модель поведения никак не соответство-

вала ее представлению о том, как должен вести себя настоящий мастер.

А у меня в голове звучали слова Вана: «Еще не хватало, чтобы ты когда-нибудь подрался из-за какой-то девки!»

Несмотря на ее явное ко мне презрение, до дома «девку» я проводил, вдруг этим балбесам все-таки придет в голову что-то нехорошее. Но им быстро надоело идти за нами и они повернули назад, видимо, снова пошли в ресторан – допивать.

Доведя Занг до подъезда и вежливо попрощавшись, я не торопясь пошел обратно к вьетнамскому ресторану. Уже стемнело, погода стояла изумительная, торопиться мне не хотелось, тем более если я прав и маленькие оборзевшие ублюдки действительно пошли допивать и доедать, то пробудут они там до самой ночи. Кто они такие, я, разумеется, не знал, мог только догадываться. Со всей вьетнамской общиной я был знаком, если не поименно, то хотя бы в лицо. А память у меня такая, что увидев человека один раз, я уже никогда не забывал его. А эту косоглазую деревенщину я точно видел впервые. Вероятный вариант был только один. Месяца три назад я краем уха слышал, что нашим городком заинтересовалась вьетнамская мафия или, как ее называют, «змея». Так бывает всегда, следом за нормальными, работающими вьетнамцами (чуть не подумал: «вроде меня») ползет эта зараза. Вначале приезжает голова – умный, хитрый, жестокий человек, умеющий договариваться с властью.

ми, способный наладить бизнес и могущий руководить подчиненными ему бойцами. «Договариваться» означает давать взятки кому надо; «бизнес» – это любое дело (иногда даже законное), но чаще всего это рэкет, построенный на вымогательстве у собственных хоть сколько-нибудь зажиточных соотечественников; «бойцы» – это быдло, очень смахивающее на тех мальчиков, которых я только что видел.

В общем, похоже было, что голова не терял времени даром и первые «солдаты» уже начали прибывать.

О «змее» мне рассказывали и дед, и учитель Ван. Оба говорили, что мафия очень заинтересована в таких людях, как я, и строго-настрого предупреждали, чтобы я ни при каких обстоятельствах, ни на каких, даже самых заманчивых условиях не вздумал с ними иметь дела, мол, «потом карму не отмоешь». Правда, ни один из них не говорил, что я должен их бояться. Когда я подумал об этом, мне сразу стало смешно: бояться меня вообще не учили. Думать – да; быть хитрым, осторожным – да: не лезть попусту на рожон, просчитывать каждый шаг и думать о возможных последствиях – да. Бояться – ни в коем случае. Испугался – умер. Даже если остался жив.

За этими приятными воспоминаниями о своих уважаемых наставниках я и не заметил, как добрался до ресторана.

Все было, как я и рассчитывал. Эта парочка обалдуев была там. Мне даже заходить внутрь не пришлось – они курили на улице. Только их было уже не двое, а шестеро. Все, кроме

одного, одинаковые, как патроны от «калашников». И где их таких берут? Нормальные люди разные, потому что их делают старым способом. А этих что, на станке штампуют?! У них было даже одинаковое выражение лица: я бы сказал, тупо-счастливо-наглое.

Я подошел поближе, явно зайдя в то пространство, которое они считали «своим», местом, где они курили, орали и размахивали руками. Вообще, как по мне, так они занимали слишком много места. Может, им вообще не надо было бы жить? Хотя если «здесь и сейчас» они есть, то Судьбе так угодно, а кто я такой, чтобы с ней спорить? Но ведь я тоже часть Судьбы. Неожиданно до меня дошло: как же давно я не дрался. Толкающие руки, которые я в последнее время делал в паре с Мо и которые про себя называл «изысканной, любезно-уступчивой работой», в счет не шли, потому что я не собирался быть ни изысканным, ни любезным, ни уступчивым.

Как-то очень кстати вспомнился анекдот, который рассказывал мне Володя.

Встречаются два карточных шулера. Один достает колоду и предлагает второму сыграть в карты. Второй, жеманясь, говорит: «Ох, даже и не знаю, давненько я не брал в руки карт». Затем берет колоду, взвешивает ее на руке и говорит уже деловым тоном: «К тому же в твоей колоде не хватает карты». Первый забирает колоду обратно, тоже взвешивает ее на ладони и подтверждает: «Ты прав, дружище, тут не хва-

тает одной карты, кажется, шестерки». Второй снова берет колоду, более тщательно взвешивает ее и говорит: «Что значит «кажется»? Конечно, шестерки... Пиковой».

Так что я снова собирался «взять в руки карты». А пока я вспоминал старые советские анекдоты (не забывая при этом очень внимательно следить за ребяташками), они пялились на меня, не понимая, откуда взялось такое чучело. Наконец до тех двух, которые меня уже видели, дошло и один из них радостно заорал:

– Смотрите, хиппи! Сам, дурачок, пришел! А где твоя девка?

Я стоял не шевелясь. Если честно (себе-то я мог признаться), мне хотелось получить как можно больше удовольствия, так что спешить я не собирался. Не зря в нашей семейной школе тигриного рукопашного боя никогда не говорили «драться», только «играть». Вот мы сейчас и поиграем.

Много лет назад (думаю, лет шестнадцать тогда мне было) мой многоуважаемый учитель Ван, который был еще и знаменитым охотником на тигров, показал мне, как «играет» тигр.

Однажды он обрадовал меня, сказав, что утреннее занятие отменяется и что он постарается показать мне чрезвычайно поучительное зрелище. При этом он велел ни на что особенно не рассчитывать, потому что такие вещи даже он, учитель Ван, точно предсказать не может, но, по его подсче-

там, весьма вероятно, что именно сегодня ему удастся меня развлечь. Пока мы шли через джунгли, Ван объяснил мне, о чем идет речь (чем, кстати, меня сильно удивил, потому что не имел привычки много разговаривать по пустякам, к каковому он, несомненно, относил излишние поучения оболтусу вроде меня).

Ван и раньше много рассказывал мне о тиграх, поэтому я знал, что тигры бывают умные и глупые, храбрые и трусливые, осторожные и беспечные. В общем, как люди. Когда-то Ван мне даже сказал, что интеллект взрослого тигра сравним с интеллектom 5–7-летнего ребенка, только тигр хитрее и изворотливее. В этот раз он собирался показать мне осторожного, хитрого и очень упорного даже для тигра зверя. Оказалось, что за этим тигром Ван наблюдал уже несколько суток и примерно знал, что и когда тот делает.

Вот что он рассказал по этому поводу:

– Тигр этот почти взрослый. Ну, если пересчитать на человеческий возраст, то примерно такой, как ты. Может, на пару лет старше. Это значит, что он практически такого размера, как взрослый тигр, но еще любит играть, только игры у него очень специфические. Вот сегодня, если повезет, ты и посмотришь, какие игры у вашего семейного тотемного зверя.

Мне, конечно, стало интересно, потому что ни дед, ни отец, хоть и обучали меня нашему родовому стилю тигра, никогда не проводили аналогий с тигром настоящим. Наобо-

рот, говорили, что главное – это дух тигра.

– И правильно говорили, – не оборачиваясь, сказал Ван, шедший впереди меня. – То, что ты, может быть, увидишь сегодня, это и есть игры тигриного духа. Кстати, проверим твою удачу. Мне кажется, что он сегодня его достанет. Но это уж как повезет. Может, и просто так день проходим.

Я не понимал, кто и кого сегодня «достанет», но молчал, зная, что если Ван захочет, то он все скажет сам, причем не забудет ни одной, самой мелкой детали. Но уж если не захочет... К счастью, в этот раз скрывать было нечего и через пару минут я уже все знал.

Ван выследил этого молоденького тигра, который в свою очередь уже несколько дней выслеживал совсем небольшого медвежонка, чтобы украсть его прямо из-под носа матери. Так что кто и кого сегодня «достанет», сразу стало ясно.

Пришли мы вовремя. Каждый раз, когда Ван, который вообще никогда не торопился, приходил на место минута в минуту к началу действия, мне хотелось спросить, умеет ли он опаздывать. Но я молчал и в конце концов решил, что не умеет. Во всяком случае, мне за пять лет учебы у него видеть такого не доводилось. Так вышло и в этот раз. Не успели мы удобно устроиться на высоком берегу реки, как увидели медвежонка, который в состоянии совершенно неопишимо-го блаженства валялся у самой воды кверху мохнатым брюхом и сучил всеми четырьмя лапками.

«Хорошо, что он не сороконожка, – подумал я, – а то бы

сейчас сам в своих ногах запутался».

И тут на берегу появился тигр. Он совершенно беззвучно возник из-за огромного камня: сначала морда, затем плечи. Наконец он появился весь и замер, как изваяние, оглядывая место.

– Смотрит, нет ли рядом мамыши-медведицы, – прошептал мне на ухо Ван. И добавил, словно читая мои мысли: – Нас не учует, ветер в другую сторону.

Убедившись, что мамыши поблизости нет, тигр не спеша, я бы сказал, торжественно, направился к медвежонку. Он явно не торопился, давая медвежонку хорошенько разглядеть себя. Увидев полосатого, медвежонок пришел в совершенно неопиcуемый ужас и бросился наутек. При этом он то ли взвизгивал, то ли всхлипывал, то ли уже просто плакал на ходу. Бежал он медленно, смешно виляя толстым задом. Такой почти круглый ком грязного меха. Видя, что ему не уйти, он попытался переправиться через реку по огромному поваленному дереву, но рухнул в воду.

Тигр почему-то в воду не полез, хотя воды эти звери не боятся совершенно, – однажды я сам видел, как матерый тигр отобрал у крокодила добычу, которую тот припрятал под водой.

– Ты не понял, – снова зашептал мне на ухо Ван. – Он не голодный, ему этот медведь не особенно и нужен. Он играет. Сам понимаешь, какая ставка в этой игре. Игра тигра – это жизнь или смерть.

Через минуту медвежонок вынесло на берег, где его поджидал тигр. Медвежонок уже не пытался убежать. Тигр очень тихо зарычал и ударил лапой медвежонок по морде, которая тут же покраснела от крови. Медвежонок заверещал, но с места не двинулся, видимо, уже понял, что убежать не удастся и единственное, что он может, – это продолжать верещать, надеясь, что его услышит мать. Тигр по-прежнему не торопился. Ван был прав, он действительно *играл*. Глядя медвежонок в глаза (прямо как удав, гипнотизирующий мышь), он еще раз хлестнул его открытой лапой. И тут за спиной у медвежонок раздался могучий рев. Это явилась огромная медведица-мамаша. На этом все и закончилось, потому что тигр развернулся и, никуда не спеша (видимо, знал, что огромной медведице за ним не угнаться), потрусил прочь, а медвежонок бросился к медведице обниматься, облизываться и жаловаться.

– Ну? – после паузы произнес Ван.

Я, зная его привычку заставлять меня из всего извлекать урок, не торопился отвечать. Не дождавшись ответа, Ван не стал давить на меня, а начал объяснять сам.

– Тигр играет в игру жизни и смерти. Думаю, это ты уже и так понял. Тут важны две вещи. Во-первых, от этой игры он явно получает удовольствие, а во-вторых, охотник и жертва в любую минуту могут поменяться местами. Чтобы ты не думал, зачем я потратил целый день на эту прогулку, скажу сразу. Тебя все время учат быть в роли тигра. Так вот, за-

помни, за любой потенциальной жертвой может стоять кто-то большой и сильный. Вот и все. Теперь домой. Ты сегодня целых полдня не занимался, так что в обратную сторону ты бежишь бегом и к приходу учителя суп должен уже кипеть. Чтобы дать тебе время, твой добрый учитель не будет торопиться. Надеюсь, не заблудишься?

Вопрос был риторический. Конечно, я мог заблудиться в джунглях. Но для этого мне нужно было завязать глаза. Так шутить я, конечно, не стал, Ван мог сделать вид, что не понял шутки, и вполне мог бы проверить.

Это были приятные воспоминания. И эти шестеро при-
дурков не могли мне помешать насладиться ими. На одного из них я сразу обратил внимание. Он был почти трезвый, все время молчал, да и внешне был больше похож на шакала, а не на быка, как все остальные. Он сделал жест и остальные сразу замолчали. Шакал решил сразу расставить все по своим местам.

– Ты, хиппи, ты знаешь, с кем связался? – спокойно спросил он.

– Вполне, – так же спокойно ответил я.

– И чего же ты тогда хочешь?

– Просьба у меня к вам.

– Давай, – благосклонно кивнул Шакал, которого все это явно начинало забавлять.

– Нужно сделать так, чтобы никто из вас мне больше на

глаза не попадался, а то я очень не люблю смотреть на всякую шваль, у меня от созерцания таких, как ты, портится настроение.

С этими словами я не торопясь отвесил ему тяжеленную оплеуху «тигриной лапой». Все-таки он сильно отличался от того симпатичного медвежонка, о котором я только что думал. Да и я был не слишком похож на того тигра. Тот был совсем молод, а я – травленный зверь. И никакого Тай-Цзи-Цюань. Стиль тигра, прямой, яростный и жесткий.

Сколько времени прошло, я не могу оценить, потому что в такие моменты время для меня течет совершенно иначе. Думаю, немного. Я знал, как это выглядит со стороны. Один человек как-то совершенно неожиданно оказывается рядом с другим и тот, непонятно почему, опускается на землю. Быстро, молча и страшно. И так шесть раз. Я посмотрел на доблестную гвардию, валяющуюся на земле. Все-таки размяк я за годы мирной жизни: все шестеро живы и никто даже особенно не искалечен. Ну может, у Шакала и еще у двоих сотрясение мозга. Ничего страшного, им для жизни мозг не особенно и нужен.

Оставив их приходить в себя, я не торопясь направился в ресторан. Появления полиции можно было не опасаться. Близко знаком с хозяином я не был, но знал, что у него с шефом местной полиции мир, дружба, любовь (очень крепкая, взаимовыгодная) и договор, что порядок в своем ресторане и возле него хозяин поддерживает сам с помощью своих вы-

шибал. А благодарная (правильнее было бы сказать «отблагодаренная») полиция ни в какие разборки приезжих вьетнамцев не вмешивается. И тут был не только финансовый интерес. У полиции и других забот хватало и такой договор ей был исключительно удобен: каждый на своей территории занимается своим делом и возится только со своими земляками.

Перепуганный хозяин уже бежал ко мне:

– Мастер Минь, простите, но вы знаете, что это за люди?

– Само собой, – равнодушно пожал плечами я. – Если честно, то точно не знаю, но догадываюсь, причем с очень большой степенью вероятности. Уважаемый хозяин, не могли бы вы сделать так, чтобы этих хамов убрали с улицы. Неудобно, могут люди увидеть, что они подумают о вашем замечательном заведении?

Хозяин уже отдавал распоряжения. Двое его вышибал (один с явно недавно разбитым в кровь лицом) уже суетились на улице, поднимая с земли охающие тела и вызывая такси. Вскоре такси разъехались, а парень с разбитым лицом как-то слишком издалека и как-то слишком низко поклонился мне. Я даже догадался, кто его так неаккуратно отделал и почему он так низко мне кланяется. Почему издалека, тоже понятно: я уйду (или меня запугают, сломают, убьют, вышвырнут из города или купят, наконец), а те шестеро вернутся. А ему здесь жить, кормить семью, наверняка немаленькую (у нормальных вьетнамцев не бывает маленьких семей).

Специальности у него тоже наверняка нет и на работу его никто нигде не возьмет. Дрянь дело.

Я приказал подать себе самый лучший чай и принести самых дорогих сигарет. Это были замашки тех времен, когда я «работал шпионом» в Сайгоне. Тогда меня мало интересовало качество того, что я ем, пью или курю. Я часто даже названий всей этой чепухи не запоминал. Я просто заказывал «самое дорогое». Даже приходя в бордель, я заказывал самую дорогую девочку. И система работала. В Сайгоне в те времена «самое дорогое» на самом деле означало «самое лучшее». Потому что богатый человек мог и обидеться, а люди в те времена зарабатывали очень по-разному и среди обиженных вполне мог попасться и бандит. А обиженный бандит... Или, что еще хуже, обиженный мастер Минь...

Я не торопился. Если я правильно понимал, то сейчас сюда для выяснения должен явиться «начальник мафии», так сказать, «голова змеи». Такой аналог мамыши-медведицы, которая должна как минимум выяснить, кто обидел ее малышей. Наверняка хозяин ресторана уже позвонил боссу этих шестерых. Вряд ли сейчас у «головы» много людей, его «бизнес» только разворачивается, так что все более или менее важные дела он должен решать сам.

Я не собирался останавливать мафию. Это невозможно, а я человек трезвый и прагматичный. Но я собирался (во всяком случае, пока) жить в этом городе, и если каждая деревенщина, только вчера привезенная из какой-то вьетнамской

глуши, начнет устанавливать свои правила и навязывать их мне... Если кому-то нравится подчиняться этим бандитам и платить им дань – пожалуйста, это их дело. Но я-то уже забыл, как это можно – подчиняться кому-то.

То, что я пил чай и думал обо всякой чепухе, совершенно не означало, что я хоть чего-то не видел. Само собой, босс вошел не через главный вход (важная персона должна «ходить своими путями»), а через кухню. Конечно, если бы я и сам не был такой, ему бы удалось меня удивить. А так... Был он один, хотя в том, что телохранитель (может, и пара) у него был, я не сомневался. Его просто не могло не быть. Человеку такого ранга положен телохранитель, нужен он ему или нет. Видимо, в этот раз босс оставил его на кухне. А что, пусть поест человек, пока хозяин «решает вопросы». Да и неприлично ему идти ко мне с телохранителем, я то могу подумать, что он меня боится. Может, он и вправду пока не боится. Но это ненадолго – меня все боятся. А чем он отличается от всего прочего сброда?

Босс оказался очень представительным мужчиной лет пятидесяти, с интеллигентным, я бы даже сказал, приятным лицом. Но я смотрел не на лицо, я, не скрываясь, смотрел ему в глаза тем самым «семейным фирменным» взглядом – «как тигр смотрит на курицу». А что – двойная польза. Я понимаю, с кем имею дело (я очень хорошо чувствую человека по глазам, еще дед научил), а он сразу чувствует, с кем собирается связаться. И далеко не всем это нравится.

Босс повел себя чрезвычайно аккуратно. А чего ему хамить, если для этого есть другие люди. У него же совсем иные методы работы. Подойдя к столику, он очень вежливо попросил разрешения присесть. Я безразлично пожал плечами. Кочевряжиться без причины я не собирался. Лично он ничего мне плохого не сделал. Пока, во всяком случае.

Босс уселся и поднял руку, подзывая официанта. Тот возник мгновенно, видимо, он только этого и ждал. Заказав себе тоже «самого дорогого чаю», босс мило улыбнулся и сказал:

– Уважаемый мастер Минь, вам привет от вашего уважаемого учителя мастера Вана.

Не будь надменно-презрительная маска намертво приклеена к моему лицу, я бы выдал свое изумление. А так: «Привет так привет. От мастера Вана так от мастера Вана».

А босс (звали его Кань), не переставая улыбаться, извлек из кармана очень модного и столь же дорогого пиджака конверт и положил его на стол.

Да, босс – молодец! Такой неожиданный, совершенно непредсказуемый ход. После него наша встреча сразу оказалась не такой, как я себе ее представлял. Потому что вести себя с человеком, у которого есть письмо от моего многоуважаемого учителя, следует несколько не так, как с обычным бандитом. Точнее, совсем не так. Впрочем, спешить не нужно. Все по порядку: прочту письмо, тогда и решу, что мне делать. Может, там черной тушью на белой бумаге написано, что я должен свернуть боссу шею. Или, наоборот, сам

бежать отсюда сломя голову. Нет, лучше все-таки первое – привычнее.

Письмо было запечатано печатью Вана. Эту нефритовую печать, доставшуюся мастеру Вану по наследству от другого мастера Вана, его далекого предка, жившего в XV веке, я прекрасно помнил. Это была совсем не простая печать: документ, на котором стоял ее оттиск, открывал «подателю сего» двери любой вьетнамской традиционной школы воинских искусств. Печать была цела, что давало надежду на то, что письмо никто не читал. Хотя к услугам мафии умельцы на любой вкус...

Не размышляя далее, я в знак уважения приложил печать ко лбу и вскрыл письмо. Видимо, Ван не был уверен, что его послание не будет проходить «цензуру», и написал его по-китайски. Молодец старик, хоть какая-то, но еще одна степень защиты. Само собой, китайцев миллиарды и найти одного китайца-переводчика нетрудно, но все-таки это лишний шаг, да и никто не скажет, что китайцы любят вьетнамскую мафию. Кроме того, они такие же хитрые, как вьетнамцы, – могут такого понапереводить...

Так и не сказав боссу ни слова, я приступил к чтению.

«Зная тебя, я не думаю, что ты сильно изменился. В тебе всегда было слишком много тигра и слишком мало змеи. Я не имею в виду технику змеи, которую я тебе преподавал. Ее-то как раз ты усвоил прекрасно. Я хочу сказать, что в тебе слишком много огня и ярости от тигра и совсем нет покоя и

мудрости, присущих змее.

Человек, который передаст тебе это письмо, и есть олицетворение змеи, наверняка до тебя уже дошли слухи о нем и ты знаешь, что он глава местной мафии – «голова змеи». Как ни странно, несмотря на то что он несомненный бандит, сволочь он вполне умеренная, я бы даже сказал, что по-своему он вполне порядочный человек. Слово свое, по крайней мере, держит, а к тебе будет относиться с подобающим уважением. Так что поговори с ним. У него своя мудрость, которую я просил тебе передать.

Р. S. Если сочтешь нужным, можешь показать ему мое письмо. Я человек прямой и честный, пусть он знает, что я о нем думаю».

Несмотря на мое молчание, босс не выказывал никаких признаков нетерпения. Казалось, он мог, все так же благодушно улыбаясь, потягивать чай до утра.

«Да, – подумал я, – вот это школа. Я его в упор не вижу, а он все так же мило мне улыбается и готов ждать, пока великий мастер Минь соблаговолит заговорить с ним. Ну что ж, такой человек, будь он хоть трижды бандит, заслуживает уважительной беседы. Тем более он вроде как с рекомендательным письмом. И от кого!»

– Прошу меня простить, уважаемый господин Кань. Я совершенно не так представлял нашу беседу и повел себя не должным образом, – заговорил я. – Но это, – я показал на письмо, – полностью меняет дело. Благодарю вас за весть от

мастера Вана. – Тут я привстал и (удивляясь сам себе) даже слегка поклонился.

– Что вы, уважаемый мастер Минь, – замахал руками Кань. – Это я должен извиняться за то, что не принес вам письмо сразу после своего приезда. Сами понимаете, поначалу, пока бизнес не отлажен, всегда много разных дел. И все срочные. Также прошу меня простить за сегодняшний инцидент. Эти шестеро – мои люди, те еще помощнички, все приходится делать самому. В ваших краях их иначе как деревенщиной не называют. Сами понимаете, они таких людей, как вы, никогда в жизни не видели. Но, думаю, особых неприятностей они вам не доставили. Осмелюсь предположить, что вы даже получили удовольствие, – тонко улыбнулся он. – И еще благодарю, что вы не искалечили никого из этих тупых крестьян. – Тут он слегка привстал и в свою очередь поклонился.

На этом, как я понял, официальная часть была окончена и Кань перешел к делу (судя по его тону, избивание своих бойцов он не считал достойным дальнейшего обсуждения: остались целы и ладно, урок будет).

– Уважаемый мастер Ван просил, чтобы я, как бы это поаккуратнее сказать, помог вам, мастер Минь, взглянуть на жизнь несколько под другим углом. Вы позволите мне говорить без излишних восточных церемоний?

«Молодец, – подумал я. – Прямо как я. Ну я-то, понятно, у американцев нахватался. А этот берет быка за рога, вроде он

не сладкий восточный человек, а самый настоящий гринго. Может, такой подход сформировался у него за время нелегкой «службы» в мафии? Ну как по мне, то так намного быстрее, честнее и лучше».

– Так вот, – продолжил Кань, – прошу не обижаться, но сейчас я просто передам тебе слова твоего учителя.

«Ух ты, – восхитился я, – как он заговорил, начав передавать слова Вана. Сразу на «ты» перешел и куда только «Вы» с большой буквы подевалось. Если так дальше пойдет, то он меня, пожалуй, в ученики запишет».

– Разумеется, – кивнул я, – говори прямо.

Судя по усмешке, Кань тоже заметил, что я перешел с ним на «ты». Он удовлетворенно кивнул и продолжил:

– Ван говорил, что воспитывал тебя, как воина. И ты смотришь на жизнь, как воин, – прямо и без полутонов. Видеть всю картину, не деля ее на черное-белое и плохое-хорошее, – это уже свойство, более присущее мудрецу, а не воину. Хотя если воин в конце концов не становится мудрецом, значит его учитель чего-то ему недодал или он сам чего-то не сумел взять. Обстоятельства так сложились, что Ван не имел возможности отдать тебе все. Поэтому он просил меня открыть тебе кое-что. Немного, но важное. Он просил поговорить с тобой о мудрости.

Тут он сделал паузу, давая мне усвоить услышанное. И был прав; я перестал притворяться истуканом и все мои эмоции босс наверняка мог прочитать на моем лице.

Как говорил мой советский ученик Володя, «я просто охренел». И было от чего: меня, Героя Вьетнама, будет учить какой-то бандит! И чему учить – мудрости! Можно сказать, что бандит будет делать из воина мудреца.

Не отвечая ни слова, я протянул Каню письмо Вана, указав пальцем на слова «...несомненный бандит, сволочь он вполне умеренная...». Кань взял письмо, не торопясь прочел от начала до конца, после чего вернул мне лист, предварительно аккуратно сложив его. Затем он откинулся на спинку стула и сказал:

– Время позднее, а я еще не ужинал – забегался. Из-за тебя, между прочим. Так что ты мне должен ужин. Или я тебе, как договоримся.

Не дожидаясь ответа, он подозвал официанта и стал заказывать обильный изысканный ужин, человек минимум на пять. Я не возражал. Мне тоже хотелось есть, а после того, как умевший блестяще готовить Мо уехал, я стал питаться попроще и разнообразить меню никак не помешало бы.

Во время еды мы не говорили. Казалось, что Кань любил поесть не меньше, чем Мо, да и отвлекаться от такой еды было грех. Нас не беспокоили. Только в самом начале трапезы из-за двери, ведущей на кухню, выглянул человек (наверняка телохранитель Каня) и Кань еле заметно отрицательно покачал головой. Закончив есть, Кань вытер салфеткой губы и без перехода спросил:

– Итак, что тебя не устраивает? Или, точнее, чем я тебя

не устраиваю? Как ты понимаешь, я не набиваюсь в твои наставники. У меня и своих оболтусов достаточно. А какие они идиоты, ты сам видел.

Его откровенность я оценил. Видимо, узнав, что босс Кань отправляется в Ирландию, мастер Ван, уровень связей которого был известен только ему одному, попросил (или надавил, он вполне был на это способен) на кого-то из боссов босса Кань. И тому велели просто сделать то, о чем просили уважаемые люди.

Не успел я ответить, как Кань (видимо, он был большим мастаком «сбивать ритм») «передернул» тему.

– Ладно, время позднее. Пора и по домам. Думаю, скоро встретимся. Да, и кто платит за обед, ты или я? Или финансы мастера Миня выглядят так же скромно, как и его костюм?

Обед был прекрасным и к тому же я терпеть не мог, когда за меня платят. Так что заплатить по счету я не возражал. Наоборот, я любил угощать, любил платить и делал это всегда с удовольствием. Но спустить подначку про «скромные финансы мастера Миня»... Поэтому я сказал сладким голосом:

– Само собой, платит мастер Минь. Только он хочет знать, приходить ли ему на следующую встречу, если, разумеется, она состоится, тоже с телохранителем, как уважаемый босс Кань?

– Какой телохранитель? – искренне удивился Кань. Нет никакого телохранителя.

– А тот мрачный человек, который выглядывал из-за кухонной двери и которому ты делал какие-то знаки? Ты же не мог не обратить внимание, что я заметил и его, и то, как ты, завидев его, отрицательно покачал головой. Скажи еще, что это не твой охранник.

– Само собой, мой, чей же еще, – не стал спорить Кань. – Только тот знак, который я ему подавал, означал, что он мне больше не нужен и может идти домой. Ты очень наблюдательный, но наивный. Ты не понимаешь значения того, что видишь. В той части Вьетнама, откуда я родом, таких людей называют простофилями. Ты их называешь деревенщиной. Сам подумай, зачем мне охранник, который, кстати, тебе в подметки не годится, когда со мной ужинаешь ты? Вот тебе и первый урок мудрости: ты только что стерпел, что я назвал тебя простофилей, ты целый вечер бесплатно работал на меня телохранителем и, наконец, сейчас ты заплатишь за мой роскошный ужин. Я не знаю, что это такое, но в любом случае это не мудрость, даже не житейская, не говоря уже о настоящей. Нет, знаю, – это тоже мудрость, только «простофильская».

И заметь, я еще не упоминал о том, что так много повидавший и переживший человек, как ты, специально возвращается, чтобы избить каких-то жалких остолопов. А не упоминал я об этом не потому, что забыл или решил не огорчать тебя, а потому, что тут и говорить не о чем: это уж точно самая настоящая, я бы сказал, классическая, хрестоматийная

«не-мудрость».

После ухода Каня я так хохотал, что еще долго не мог встать из-за стола. Когда я наконец успокоился, ко мне подошел хозяин, который терпеливо ожидал на почтительном расстоянии, пока я насмеюсь вдоволь, и передал мне записку от Каня. Там было сказано: «Если тебе еще интересно и если я лично тебе еще не надоел, приглашаю тебя к себе в офис. Мой человек с машиной будет завтра в шесть вечера у твоего подъезда. Не пожалеешь, покажу тебе «житейскую» мудрость. Пусть это и не истинная, не настоящая мудрость, но будет поучительно». Подпись была смешная: «Босс (к сожалению, не твой) Кань».

Возвращаясь домой, я уже твердо знал, что завтра обязательно пойду на встречу с Канем. Судя по тому, как он вел себя, прощаясь, – он тоже. Меня, стыдно сказать, больше интересовала не та мудрость, которую Кань называл «истинной и настоящей», а та, которую он считал «житейской». Что такое «настоящая» мудрость, я не очень понимал (во всяком случае, пока), а вот то, как он с помощью «житейской» мудрости сумел всего за пару часов построить с таким нелюдимым человеком, как я, почти приятельские отношения, впечатляло.

Так что до завтра, босс (к счастью, не мой).

«Хотя говорят, что есть множество хороших дхарм (праведных образов жизни), подобно тому как есть множество золотых украшений, единственная

реальность всех этих дхарм – самопожертвование (тъяга), так же как единственная реальность всех украшений – золото».

«Гуру Вачака Коваи» (849)

Сказка о житейской мудрости

– Запомни, – строго оборвал его Карлсон. – «Пустяки, дело житейское» про пироги не говорят. Но делать нечего, попробуем обойтись булочками. Астрид Линдгрен, «Мальчи и Карлсон»

Мы изучаем предания о людях прошлого, чтобы довериться их мудрости и не быть корыстолюбивыми. Когда мы отказываемся от своих пристрастий, следуем наставлениям древних и советуемся с друзьями, наши дела идут хорошо, а неудачи минуют нас.

Ямамото Цунэтомо, «Хагакурэ»

Есть понятия, которые используют все, но которым никто не может дать однозначного определения. Если точнее, то любой человек может дать такое определение, но у каждого оно будет разным. При этом подчас различие будет кардинальным. К числу таких понятий относится и мудрость. Никто точно не знает, что это такое, и тем более не может сказать, что такое, например, мудрость житейская. Некоторые называют ее старостью, некоторые опытом, а некоторые – хитростью. И это правильно, ибо в каждом из этих определений есть смысл и каждый человек сам решает, что для него мудрость. И житейская в том числе.

А может, и нет никакой житейской мудрости?

(Рассказано самим учителем Минем)

«Тем, кто позволяет своему уму блуждать и там и сям, ничто не будет удаваться».

«Гуру Вачака Коваи» (913)

Время для меня всегда было важно. Меня учили, что есть много разных времен: обычное, или профанное, время волшебное, или «цигунское» время, «воинское» время, или время жизни и смерти... Еще есть время «здесь и сейчас», когда нет ни прошлого, ни будущего, а стало быть, вообще нет времени. Объяснять это долго и трудно, а объяснить невозможно. Поэтому скажу просто и коротко: мне всегда было интересно, как человек обращается с отведенным ему временем и как он относится к времени других, ведь правило «опоздание – это кража чужого времени» никто не отменял.

Поэтому на завтра я вышел из дому немного заранее, чтобы увидеть, когда подъедет обещанная Канем машина. Машина прибыла ровно без пяти шесть и стала аккуратно напротив подъезда. Это был неприметный серенький фورد, не новый, но надраенный до блеска.

За рулем сидел тот самый, похожий на шакала вьетнамец, с которого я начал вчерашнее «показательное выступление».

Это же надо, до чего крепкая у него башка, я-то думал, что он отлеживается после сотрясения мозга. Когда он вышел из машины, чтобы открыть мне дверцу (молодец Кань, как он его выдрессировал), я понял, что на этот раз он был с оружием. Не знаю как, но я «чую», когда у человека есть огнестрельное оружие. Это как запах. То ли металла, то ли пороха, то ли огня. А может, вообще не запах, а просто похожее чувство. Оно появилось у меня уже во время войны, когда я «шпионствовал» в Сайгоне. Когда я, вернувшись, спросил у Вана, что это такое, тот завел речь совсем о другом.

– Как ты думаешь, почему я такой удачливый охотник?

– Такой опыт и такое мастерство, разве этого мало?! – удивился я.

– Но есть охотники моложе, сильнее и намного злее до охоты, чем я. Тем более все они используют огнестрельное оружие. Причем на выбор, хочешь американское, хочешь советское, хочешь автомат, хочешь снайперская винтовка с оптическим прицелом.

Насчет оружия у нас с Ваном были принципиальные разногласия. У меня при упоминании АКМ губы сами растягивались в улыбке, а у «каменного» Вана начинали дрожать руки, когда он брал (с моей, разумеется, подачи) его в руки.

Вообще для меня вопрос был достаточно неожиданным. Я просто знал, что Ван – это лучший во Вьетнаме мастер, лучший учитель, лучший охотник. А как же иначе. Понятное дело: «Мой мастер лучший в мире». И точка, на этом мирная

часть беседы заканчивается. Но вот почему он лучший?

Видя мое недоумение, Ван не стал тянуть и объяснил сам.

– Мастерство, это, конечно, само собой. – Он самодовольно разгладил бороду. – Никто из нынешних сопляков не убьет тигра одной стрелой и не выйдет на него с ножом, если одной стрелы окажется недостаточно. На это способен только старый Ван. Но есть еще одно. Никому из них не удастся так легко подойти к тигру на расстояние выстрела, как старому Вану. Почему?

– Ну это-то как раз вполне понятно: старый Ван умеет передвигаться в джунглях незаметнее тигра.

– Конечно. А еще?

– Не знаю, – начал раздражаться я. – Если старый Ван захочет, он сам мне скажет.

– Скажет, скажет, – засмеялся Ван. – Теперь ты не тот сопляк, которому можно было отвечать или не отвечать. Теперь ты и сам охотник хоть куда. – Тут он вдруг перестал смеяться и тяжело вздохнул. – Увы, не на тигров... Но к делу. Я намного легче подбираюсь к тигру, потому что он не боится меня. Он вообще не слишком боится человека, он боится оружия. Как он понимает, что человек вооружен, я не знаю. Я думаю, что он чует запах металла, пороха, смазки, гари... Но что чувствует тигр, знает только тигр. А я, вопреки тому, что многие обо мне думают, простой старик. И при себе у меня только лук, который если чем и пахнет, так только сухим деревом. Еще нож с деревянной ручкой и лезвием,

упрятанным в кожаные ножны. Так что я пахну лишь старым безобидным человеком, деревом и кожей. Чего тут бояться царю джунглей?

От слов «старый безобидный человек» мне стало так весело, как не было давно. Я не знал никого, кто назвал бы Ван безобидным. Ну разве что он сам...

– Итак, я ответил на твой вопрос? – поинтересовался Ван.

– Выходит, что я чую огнестрельное оружие, как тигр? – удивился я.

– Точно сказать не могу, потому что я не знаю, как его чувствует тигр и как его чувствуешь ты. Но вообще очень похоже. А давай-ка мы купим черной и желтой краски и раскрасим тебя в полоску? Приделаем тебе веревочный хвост, усы и будешь зарабатывать, демонстрируя деревенщине номер под названием «голозадый тигр Минь».

Ван шутил так редко, что я остолбенел. Только растерянно спросил:

– А почему голозадый?

– А ты когда-нибудь видел тигра в штанах? – серьезным голосом произнес Ван.

Ну, голозадый я или нет, но о присутствии оружия я знаю точно. А тут и знать было нечего: Шакал неумело закрепил кобуру и, когда он брался за ручку, открывая мне дверцу машины, кобура выпирала у него из-под пиджака. Дверь он открыл мне грамотно: заднюю правую. Конечно, в личном ав-

томобиле самым почетным считается место рядом с водителем, в служебном же – правое заднее. А в Ирландии, как я заметил, таксисты вообще не любят, когда пассажир сидит рядом с ними. Так что Шакал делал все правильно: деловая поездка, беседовать ему со мной явно не хотелось, так что почетное «задне-правое» место было в самый раз.

Но вышло несколько иначе. Заглянув в салон, я увидел, что Шакал оставил ключи в замке, – видимо, не всему его успели научить. Я обошел машину, сел на место водителя, завел мотор и, уже трогая с места, махнул ему:

– Садись.

Едва он успел плюхнуться на заднее сиденье, как я нажал на газ. Машинка было ухоженная: она и заводилась мгновенно, и разгонялась быстро. Шакал (я все время наблюдал за ним в зеркало) сидел совершенно ошеломленный. Может, у него и правда сотрясение мозга. Тогда ему за руль точно нельзя, и я его правильно заменил. Куда ехать, я знал, еще вчера выяснил у хозяина ресторана, где офис Каня, так что добрались мы быстро. Городок маленький, здесь в любой конец 15–20 минут. А тут вышло и того быстрее. На то, что за мной всю дорогу от самого дома следовал еще один серенький неприметный фордик, я решил не обращать внимания: уважать начали – езжу с эскортом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.